

Елена Бушаева
УРОБОРОС

2021

18+

Елена Бушаева

Уроборос

«Автор»

2021

Бушаева Е. А.

Уроборос / Е. А. Бушаева — «Автор», 2021

Кто определяет, хищники мы или жертвы? Кто решает, когда нам подчинять, а когда – подчиняться? Как личность из раба превращается во врага, а потом – и в нечто большее? Когда пора отпустить старых богов и сделать богом себя? И в чьих щупальцах безвольно трепещет история, когда приходит время выходить на новый круг?

© Бушаева Е. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Импринтинг	6
Серый город	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Бушаева

Уроборос

Кто определяет, хищники мы или жертвы? Кто решает, когда нам подчинять, а когда – подчиняться? Как личность из раба превращается во врага, а потом – и в нечто большее? Когда пора отпустить старых богов и сделать богом себя? И в чьих щупальцах безвольно трепещет история, когда приходит время выходить на новый круг?

Импринтинг

Образец № 284 мчалась по гладкому, льдисто-скользкому полу, ловя периферийным зрением других бегущих. Что-то гроыхало, все кричали. Вдалеке стрекотали выстрелы, смотрящие с руганью пытались остановить хаос и замахивались гладкими белыми палками-шокерами, но ругань звучала неуверенно.

На них не нападали и не отбивались, но падающих образцов подхватывали другие образцы, а смотрящие внезапно валились и больше не поднимались.

Впереди, прямо под отвесно уходящей вниз стеной, бурлила и клокотала вода. Коллектор, раньше полный нечистот, сейчас превратился в шлюз, и если достаточно хорошо задержать дыхание и прыгнуть... что будет тогда, образец № 284 не представляла. Просто все бежали, и она бежала тоже.

Стена опускалась медленно, времени хватит... если сможешь решиться.

Образец № 284 замедлила бег, потом встала и оглянулась назад. Она не особенно умела бояться, но и умирать она тоже не умела.

Другие образцы бежали, но редко-редко и ещё далеко, а ближе всего к ней был... не смотрящий и не образец, кто-то совершенно другой.

Он махал руками и, перекрикивая шум, командовал отходом. И одет он был непривычно: не в белую стерильную форму образцов и не холодно-голубую накидку смотрящих. И выглядел совсем иначе.

Образец № 284 уставилась на его шнурованные ботинки, затем перевела взгляд на штаны цвета стен в помывочной, на пятнистую куртку и автомат, болтающийся на ремне.

Он почувствовал взгляд и кивнул ей, и образец № 284 поразила его лицу. Все образцы были молоды, с ровной розовой кожей, а у этого на лице росли короткие жёсткие волосы, по лбу и от глаз расходились мелкие бороздки, вроде тех, что получают на пальцах, если смотрящий забудется и оставит надолго в помывочной. Образец № 284 поняла, что он живёт долго, гораздо дольше образцов, прямо как зрители зрителей, но он был другой.

– Давай, – сказал ей Другой и дёрнул головой в сторону шлюза. – Вперёд, прыгай.

Образец № 284 сделала два шага назад, к клокочущему обрыву, а он уже отвернулся и, выдав короткую автоматную очередь в потолок, закричал на образцов, рассредоточивая их по проходам и коридорам.

Образец № 284 отвернулась от него тоже и внезапно поняла, что впереди – никого. Никто не пробежит мимо и не подаст ей пример. Бурлящая сметающая вода была только для неё, для неё одной. И всё, что было позади, уже забылось, а то, что впереди, было пустотой. Остался только этот клочок коридора, белый и яркий, как память о боли. И Другой – единственный знакомый, единственный, кто знал, что делать, единственный, кто вообще хоть что-то знал.

Он снова посмотрел на неё. Он не собирался отходить. Он здесь был ещё нужен.

– Иди, – настойчиво, но мягко повторил Другой. – Иди, не бойся. Я встречу тебя на той стороне.

Никто раньше не говорил так с ней. Никто с ней вообще раньше не говорил.

Образец № 284 открыла рот, чтобы что-то сказать в ответ, но она не знала слов и не умела говорить, и только лишь задыхнулась от внезапно вспыхнувшего в животе и в груди чувства свободы, такого же яркого, как этот беспощадный свет в коридоре, но не режущего, а наполняющего головокружением и ощущением парения. И тогда Образец № 284 воспарила над полом и на лёгких-лёгких ногах подлетела к Другому.

За спиной его маячила светловолосая женщина, образец № 284 уже знала, видела в этом новом ясном свете, что они разные: мужчины и женщины – образцы, зрители и эти. И она видела, что они связаны, и даже на краткий миг задумалась, но не заколебалась, потому что

свет нёс её лёгкое-лёгкое тело вперёд и вверх, чтобы, подпрыгнув, повиснуть у Другого на шее и, изливаясь восторгом и благодарностью, укусить его за жёсткую губу.

Он обхватил её руками за пояс, потом за бёдра и сильно притиснул к себе, весело кусая в ответ, и у него почему-то вдруг тоже перехватило дыхание, как будто он был совсем такой же, как она.

Тело разом потеряло лёгкость, словно весь свет выплеснулся из него на пол и хлынул к шлюзу, и образец № 284 почувствовала на себе тяжесть чужих рук, смертельную жёсткость автомата, всё глубже уходящего в нежную мягкую глубину её плоти, всё глубже проникающий язык, зубы и железные пальцы.

В растерянности она попыталась разомкнуть ладони, но Другой только подхватил её крепче и подкинул наверх, а ноги сами сомкнулись вокруг его пояса.

Свет восторга и освобождения сменился другим чувством. Образец № 284 ясно увидела его: бордовый спрут, пульсирующий щупальцами, вцепившийся так, что захотелось крикнуть, вонзился в самую глубину, куда-то под живот, под сердце, добрался до горла и сжал его, заставив дышать ещё чаще.

– Иди, – настойчиво повторил Другой. – Встретимся на той стороне. Найди меня там.

Образец № 284 бросилась к медленно спускающейся стене, ещё не отошедшая от странного, происходящего в ней. Бордовый спрут всё также трепетал в ней, и щупальца бились, путались, до дрожи изнутри толкались в живот и бёдра, такие же скользкие и влажные, как стенки шлюза.

Образец № 284 даже не замедлилась, просто сделала очередной шаг, и её вынесло над водоворотами, и спрут мгновенно утянул тело вниз, в клубящийся, исходящий воем поток.

За серой бетонной стеной прогрохотал поезд. Девушка, вздрогнув, обернулась и тупо изучила большие толстые буквы «Вам!» на ярком синем фоне.

Вторая стена была в двух шагах, простой деревянный забор, крашенный зелёным. Впереди виднелся бок такого же серого высотного здания, а за ним – автомагистраль. Под ногами пылила полувысохшая жёсткая трава и мелкий гравий.

Спрут взвился и хлестнул щупальцами, пытаясь найти, нащупать, ощутить, но перед ним была только стена. Сил его хватило только на короткую вспышку буйства, а потом он резко обессилело поник, и щупальца повисли, волочась по грязной земле, цепляясь присосками, словно дохлые змеи. И цвет у него был синюшный, словно вся его пульсирующая мощь излилась Другому.

И больше не было ничего, только клочок воспоминания, а впереди – ничто, такое же серое, как эти бетонные стены.

Девушка вздрогнула, цепляясь за остатки дымчатых воспоминаний, и задрала белую рваную майку. На розовом нежном животе впечатался след от автомата. Губы покалывало, и нежную щёку, натёртую щетиной, тоже. Спрут, шелохнувшись, неохотно ожил, и закудрявившиеся порозовевшие его конечности облачком рассеявшегося пара втянулись внутрь живота, где он свернулся клубком, облепив внутренности, и затих, исчез.

Девушка неловко шевельнула плечами, изучила свои пальцы с неровными ногтями, все в царапинах. Под майкой на бёдрах широкий ремень с большой пряжкой держал мягкие вытертые джинсы. Носки тоже были заношенные, как и кроссовки с лопнувшими и заново завязанными шнурками.

Всё было обычно, обычно и серо. Ничто не напоминало, что всего несколько секунд назад в белом коридоре неслись и падали люди, ревели вода, грохотали выстрелы и раздавались команды усталого сильного человека в одежде цвета хаки.

«Встретимся на той стороне. Найди меня там».

Девушка ещё раз огляделась. Бетонная стена с граффити, запах поездов. Зелёный забор, стройка, гравий, магистраль. Позади не было ничего и впереди тоже. И о себе она ничего не знала.

«Найди меня».

Прижав руку к животу, девушка двинулась вперёд.

Серый город

Последняя тарелка отправилась в сушку. От раковины поднимался пар, посуда блестящими рядами выстроилась над мойкой, что-то капризно напевая стекающими каплями. Под резиновыми перчатками до локтей скопилась вода и остатки моющего средства. Девушка безглаголиво потёрла красные сморщенные пальцы, помыла руки и выключила гудящий кран.

Повара и официанты давно ушли, оставалась только она да уборщица.

Девушка воровато оглянулась, словно кто-то мог понять, что она делает, присела на корточки, открыла ящик и вытащила новую сковороду. На днище белела этикетка. Это был Знак.

Первый она нашла случайно в кармане джинсов. Второй попался вместе с набором новых документов, который ей оформили после того, как медицинское обследование показало, что бродяжка с амнезией дееспособна. Люди из социальной службы сперва полгода искали её родственников и ждали, что вернётся память, но так и не дождались ни того, ни другого.

Конечно, полноценным членом общества она так и не стала, паспортной карточки бродяжке не полагалось, но та же социальная служба устроила нелюдимую девушку посудомойкой в приют для бездомных и выделила койку в общежитии.

Ни на что большее она и не рассчитывала. Ей было трудно. Все люди вокруг что-то делали, у них была какая-то цель, какой-то смысл, они знали, ради чего жили. А у неё, вырванной из времени и пространства, были только странные надписи.

Она не понимала Знаков.

Совсем.

Девушка точно знала, что это они, и ничто не могло бы её переубедить. Но Знаки абсолютно ничего ей не говорили. Сперва она надеялась, что смысл раскроется, когда их соберётся больше. Но раз за разом это были просто странные надписи, набор букв или символов.

Наверное, если бы она была умнее, то могла бы попробовать их расшифровать, но ей с трудом давались даже фильмы и песни. Простенькие детские мультики, которые крутили в отделении для отказников, состоящие из ярких цветов и сплошных сюжетных повторов, она очень любила, но стоило в отделении появиться деткам постарше, как мультики сменялись чем-то совершенно невнятным.

После просмотра такого у неё давило лоб и виски, словно голову старались пропихнуть в кастрюлю не по размеру.

Надзиратели говорили что-то про культурный контекст, иногда подсовывали ей развивашки или приводили психолога. Она злобно говорила всё, что от неё хотели, делала всё, что требовали, а потом убегала в комнату спать.

День сменялся днём, и всё было серым, словно та бетонная стена, которая встретила её в этом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.